

А.К. Гладков

Король, закон и лимиты власти в Англии XII–XIII веков

В статье, основанной на анализе «Поликратика» Иоанна Солсберийского и «О законах и обычаях Англии» Генриха Брактона, автор исследует традицию преемственности в развитии представлений о королевской власти, законе и политических лимитах в средневековой Англии.

Ключевые слова: Иоанн Солсберийский; Генрих Брактон; политическая мысль; римское право.

Каждое столетие в истории средневековой Англии, как писал еще Дж. Тревельян, отмечено своими специфическими чертами — социальными потрясениями, военными конфликтами, духовными кризисами. Именно они и делают один век непохожим на другой, при этом, однако, очевидная внутренняя преемственность в сфере, например, политической и правовой мысли нередко ускользает от внимания исследователей. Зачастую создается впечатление, будто — применительно, в частности, к XII–XIII вв. — нет никаких оснований говорить о некоей единой линии развития представлений о власти и обществе среди английских интеллектуалов. В распоряжении медиэвистов имеется не столь широкий круг сочинений, который позволил бы обнаружить общность взглядов различных, нередко отстающих друг от друга во времени (в рамках указанного выше узкого хронологического отрезка) авторов на ключевые потестарные вопросы. И если наиболее заметным явлением английской интеллектуальной жизни второй половины XII века можно справедливо назвать этико-политический трактат «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» (*Policraticus, sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*), принадлежащий перу Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180) — известного схоласта, дипломата, члена курии архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета, то следующее, XIII столетие отмечено рождением фундаментального политико-правового сочинения «О законах и обычаях Англии» (*De legibus et consuetudinibus Angliae*) выдающегося юриста Генриха Брактона (1210–1268). Эти два произведения, отличающиеся не только по языку и стилю, композиции и аргументации, но и основным задачам, наконец, написанные с интервалом в столетие («Поликратик» — в 1159 г., «О законах и обычаях...» — до 1259 г.), настолько разные, что, кажется, ни о какой единой теоретической линии и говорить не приходится. Однако анализ указанных трудов Иоанна Солсберийского и Генриха Брактона, а точнее — нашедших отражение в текстах

авторских представлений о короле и его месте в правовой системе государства, законе как «даре Бога» и лимитах власти, позволяет отметить поразительное сходство между ними. Весьма сомнительно, например, будто мы имеем дело лишь с рядом случайных совпадений; налицо внутренняя глубокая тождественность по ряду ключевых вопросов политической теории, позволяющая увидеть в Генрихе Браконе не только читателя «Поликратика», но и в определенном смысле даже последователя тех идей, которые развивал его далекий предшественник — Иоанн Солсберийский.

Развитие представлений о королевской власти во второй половине XII века протекало в контексте череды внутренних преобразований, связанных с преодолением глубокого кризиса, вызванного «феодалной смутой» и правлением Стефана I Блуаского. Утверждение новой династии Плантагенетов не только вселяло надежду на качественное улучшение ситуации в стране, но и стимулировало наиболее ярких представителей английской интеллектуальной элиты к размышлениям о том, каким должен быть государь, его функции и обязанности, и не в последнюю очередь — каковы правовые пределы *potestas regis*. «Анархия» Стефана I ассоциировалась у части авторов — ее современников, в частности Иоанна Солсберийского с «царством тирании и беззакония». При этом Генрих II, с 1154 года утвердившийся в Англии в качестве легитимного короля, на первых порах воспринимался в качестве спасителя страны. Нет сомнений в том, что трактат «Поликратик», написанный в 1159 году, адресованный Фоме Бекету, в то время еще канцлеру (с 1155 г.) молодого Плантагенета, и в целом выдержанный в духе так называемого *speculum regis*, нес мощный дидактический заряд. Ориентирован он был, помимо всего прочего, не на абстрактного и вневременного, а на вполне конкретного короля — Генриха II. Опираясь на обширное философское, литературное и правовое наследие Античности, а также библейскую традицию, Иоанн представил на суд читателей обобщающий образ власти, вплетенный в различные контексты. Главный же пафос, воспринятый автором от «зерцал короля», сводился к выяснению внутреннего содержания и внешней формы *potestas regis*, описанию черт благочестивого государя, и тех соблазнов, коих ему стоит опасаться, дабы не стать тираном [1: с. 81–96].

Совершенно иным в жанровом, содержательном и смысловом плане представляется труд Генриха Брактона. Выходец из зажиточного рода, обосновавшегося в Девоне [5: р. I], он получил хорошее образование, давшее возможность в 1239 году [5: р. III] поступить на королевскую службу и с середины 1240-х годов вплоть до самой смерти исполнять обязанности судьи. В своем фундаментальном опусе «О законах и обычаях Англии», увидевшем свет до 1259 года, возможно, в 1250 году (хотя мнения исследователей по данному вопросу расходятся [3: р. 21–28]), обобщил собственный многолетний опыт юридических штудий и судебной практики, а равно и наблюдения над правовыми, политическими, хозяйственными и экономическими порядками в стране. Важным источником, легшим в основу сочинения, были судебные записи;

их собрание (1982 протокола) составило так называемые «Записные книжки», обнаруженные П.Г. Виноградовым во второй половине XIX века в архивах Великобритании. Содержание «Записных книжек» не идентично трактату, так как представляет предварительный (имеющий свою логическую структуру и организацию в виде титулов и параграфов) вариант, призванный облегчить автору работу над масштабным трудом «О законах и обычаях Англии». Брактону удалось, переосмыслив источники разного порядка (труды по римскому, каноническому праву, юридические комментарии, политические и философские сочинения, документы судебного производства и т. д.), подготовить своеобразное — пусть местами и компилятивное — руководство по изучению общего права.

«De legibus et consuetudinibus Angliae» — это, конечно, не «зерцало короля», не наставление Генриху III, не попытка в пространной форме описать некий путь власти; мы имеем дело не с сочинением искусственного в античной литературе подражателя Цицерона и тонкого стилиста Иоанна Солсберийского, а с произведением — по языку, терминологии и «повествовательной технике» (выражение Э. Ауэрбаха) — более точным, конкретным по форме, однако исключительно многослойным по содержанию. Чувствовавший себя свободно в правовой стихии, Брактон был не только и даже не столько систематизатором, суммировавшим достижения и наблюдения предшественников, сколько вполне оригинальным мыслителем, представившим собственное толкование ряда интересных явлений политической и юридической теории.

Хотя трактат Иоанна Солсберийского и труд Генриха Брактона имеют больше отличий и расхождений, чем общих позиций, то, что объединяет двух авторов, — принципиально значимо с точки зрения понимания развития английской *scientia politica* в пределах двух столетий — XII–XIII веков.

* * *

Некую мистическую потестарную пирамиду, описываемую Иоанном на страницах «Поликратика», венчает закон (*lex*), идущий в паре с высшей справедливостью (*aequitas* или *iustitia Dei*). Причем речь идет не столько о законе, «изобретенном» людьми (*Pol. IV. 2*), сколько о законе всеобъемлющем (фактически же — Божественном (*lex Dei, lex Domini*)). По сути, в трансцендентном измерении «Божественный закон» сливается с абсолютной справедливостью («...*et lex eius est aequitas*» (*Pol. IV. 2. 514 c*)).

Государь, в своих деяниях ориентирующийся на *lex Dei*, сообразующийся с установлениями природными (*lex naturale*) и человеческими, не противоречащими завету Создателя, как бы олицетворяет на земле образ Божественного величия и сосредотачивает в своих руках публичную власть (*princeps potestas publica et terris quaedam diuinae maiestatis imago* (*Pol. IV. 1. 513 d*)). Аналогично рассуждает и Брактон, не только воспроизводящий знаменитую библейскую истину о том, что всякая власть — от Господа, но прямо и неоднократно утверждающий: король — «слуга и наместник Бога на земле» («...*rex in terris <...> sit dei minister et vicarius...*» (*De legibus. Vol. II. P. 305*)) [6: p. 147–149]. Восприятие государя как арбитра, отделяющего доброе от злого, справедливое от несправедливого, законное

от незаконного, делегирующего часть полномочий своим мудрым и сведущим служителям для того, чтобы все подданные жили в мире и согласии и получали полагающееся им свыше, весьма характерно для Брактона (*De legibus*. Vol. II. P. 305), как кажется, именно по причине его судейского опыта.

Во многих аспектах своего учения Иоанн опирался на фундаментальные положения римского права [3: р. 56–62]; достаточно обратить внимание на ключевую для всей средневековой политической мысли формулу «что угодно государю, имеет силу закона», встречающуюся не только у Солсберийца и Брактона [4: р. 240–269], но также и у Ранульфа Гленвиля (*Tractatus de legibus*. Prol) [7: р. 296]:

...et rectissime quod ei placet
in talibus legis habet uigorem...
(Pol. IV. 2. 515 a-b)

nec obstat quod dicitur quod principi
placet legis habet uigorem...
(*De legibus*. Vol. II. P. 305)

Важно, однако, отметить: речь не идет о том, что любое частное (т. е. ориентированное на личный интерес без учета большинства) волеизъявление государя автоматически становится законом. В данном случае, как кажется, подразумеваются так называемые законы всеобщие (*leges generales*), вероятно, генетически связанные с римскими публичными законами (*leges publicae*), исходящие от всех и одновременно всем же и предназначенные. Иными словами, народ делегирует своему лидеру законодательную власть, после чего тот, принимая во внимание интересы всех подданных, инициирует законы, имеющие общегосударственное значение и утверждаемые его советом [2: с. 240].

Источник подобных рассуждений (как Иоанна, так и Брактона), уходящий в древность, в более позднее время нашел отражение в «Институциях» Юстиниана (*Inst.* I. 2, 6).

Другим любопытным совпадением, встречающимся как у автора XII века, так и у его последователя в XIII столетии и отсылающим к традициям римского права, является вплетение в политическую теорию королевской власти положения *princeps legibus solutus* (*Ulp. D.* I.3.31), идущего как бы в паре / оппозиции с *princeps legibus alligatus*. Примечательно: и Иоанн, прямо ссылающийся на Юстиниана, и Брактон, опирающийся на тот же источник, признавая несомненным факт свободы государя от «пут закона» не по причине несправедливости, но из-за обладания им верховной властью (*imperium*), все же рекомендуют ее носителю не снимать с себя этого особого — благого — бремени.

Digna siquidem uox est, ut ait
Imperator, maiestate regnantis se
legibus alligatum principem profiteri.
(Pol. IV. 2. 514 b-c)

Temperet igitur potentiam suam
per legem quae frenum est potentiae,
quod secundum leges vivat, quod hoc
sanxit lex humana quod leges suum
ligent latorem, et alibi in eadem, digna
vox maiestate regnantis est legibus,
scilicet alligatum se principem profiteri.
(*De legibus*. Vol. II. P. 305–306).

Хотя терминология у двух авторов несколько различается (Иоанн говорит о «пути закона» (*legis nexibus* (Pol. IV. 3. 515 a)), а Бракто́н о законе как «узде» власти («...*legem quae frenum est potantiae...*» (*De legibus*. Vol. II. P. 305)), очевидно сходство в их построениях.

Заботясь об общем благе, тогда как простые люди пекутся только о своем собственном, государь, возвышаясь над всеми по милости Творца и благодаря тем качествам, коими обладает от природы, соединяет в себе власть подданных (Pol. IV. 1. 513 b). Иными словами, и Иоанн это подчеркивает многократно, правитель — при всей несомненной сакральности его статуса (см., например: Pol. IV. 25. 626 d) — все же лишь «пользователь» власти Господа, уступленной ему через людей на время. Нечто подобное находим и у Бракто́на (*De legibus*. Vol. II. P. 305).

Однако в подобной логике не стоит усматривать пренебрежения к положению и обязанностям носителя власти (согласно нашим авторам, «правителя», «короля», «государя», «вождя») — ведь всё и вся, отмечают оба мыслителя, подчинено только Богу.

Что касается круга политических функций правителя, то он весьма широк, и включает среди прочего судейский компонент. Вполне очевидно, что на этой стороне юрисдикций государя заострил особое внимание Бракто́н, имевший богатый практический опыт, состоявший судьей разъездного (в графствах Линкольн, Ноттинген, Дерби и др.) и королевского судов, а потому пространно рассуждающий о необходимости передачи ряда полномочий верным, честным и богобоязненным «людям короля», которые будут на местах от его имени вершить правосудие (*De legibus*. Vol. II. P. 306–307). Образ *rex-judex* выписан Иоанном несколько иначе, с не столь очевидной привязкой к конкретной действительности, хотя и не менее пафосно: схоласт не преминул отметить, что государь карает и воздает по заслугам, руководствуясь не личным интересом или гневом, но законом (Pol. IV. 2). «Индивидуальность» короля — как у Солсберийца, так и у Бракто́на — растворяется в «идеальной модели», абсолют безоговорочно вытесняет из описываемой картины «реального человека», и именно поэтому оценки носителей власти, данные мыслителями, зачастую категоричны, в них нет, как бы мы сейчас сказали, полутонов.

Государь, удостоившийся от Бога привилегии вести подданных к общему благу, устанавливает нормы жизни, сообразные с законом и справедливостью, карать и проливать кровь ради защиты веры и вверенных ему людей, почти абсолютен в своей власти на земле. Впрочем, это «почти» имеет принципиальное значение. Кроме мистического высшего закона, заключенного в Слове Божьем, король подчинен только священству — хранителям *Verbum Dei*. Кажется, складывается несколько парадоксальная ситуация: с одной стороны, автор «Поликратика» признает особую миссию, огромные полномочия и почти безграничную власть государя, говорит даже о том, что поставленный над всеми

правитель свободен от «узды закона», и монаршая воля имеет «силу приговора» (Pol. IV. 2. 515 a), а с другой — констатирует факт его более низкого достоинства по отношению к «служителям Бога» (Pol. IV. 3. 516 a). Подобное соединение несоединимого тем не менее вполне отвечает логике Иоанна, рассматривающего взаимоотношения «священства» и «царства» в категориях христианской антропологии, используя понятия «тело» и «душа». Король, символизируя материальное начало, подчинен духовенству, олицетворяющему трансцендентное, так как тело подвластно душе («...anima totius habet corporis principatum» (Pol. V. 2. 540 b)). Два института «sacerdotium» и «regnum», отличающиеся и в онтологическом, и в функциональном плане, находятся как бы в разных пространственных измерениях в рамках единого «организма»: и если светская власть печется о физическом благополучии подданных, то духовная, приготовляющая к «жизни вечной», — об их спасении.

Брактону в некотором смысле чужды подобные антропоморфные ребусы в стиле рассуждений магистров некогда славных интеллектуальных центров Парижа, когда там учился Солсбериец. Генрих, в отличие от Иоанна, стремившегося вписать политическую теорию королевской власти в философский и теологический контекст, тяготел к тому, чтобы рассмотреть государя как носителя высшей власти, прежде всего, в качестве субъекта и объекта, одновременно действующего в правовой стихии в разных ипостасях. Так и получалось: с одной стороны, король — средоточие невидимых «токов власти» подданных — воплощает источник законов, а с другой — орудие правосудия; он одновременно и создатель права (auctor iuris) и его инструмент (instrumentum iuris).

Очевидно, автор «О законах и обычаях Англии» не избежал соблазна (или сознательно поддался ему) теологизировать отдельные положения римского права. Брактон, как и Иоанн Солсберийский, мыслил в рамках определенной дуальной системы: конструируемые ими образы несут на себе печать традиционной, неразрешимой дихотомии «Бог – дьявол», «святой – грешник», и прежде всего «rex iustus – tyrannus». И в этом также просматривается легко прослеживаемая на уровне сличения текстов отчетливая преемственность авторов, разделенных столетием. Ведущим критерием идентификации благочестивого и нечестивого государей является отношение одного и другого к закону и справедливости (Pol. IV; De legibus. Vol. II. P. 305). Злоупотребление властью, данной на время Творцом правителю, способствует превращению последнего в тирана (Pol. VIII. 18). Насажение беззакония — примета, характерная для servus Diaboli, тогда как верность закону — признак servus Dei («Exercere igitur debet rex potestatem iuris sicut dei vicarius et minister in terra, quia illa potestas solius dei est, potestas autem iniuriae diabolic et non dei, et cuius horum opera fecerit rex eius minister erit cuius opera fecerit. Igitur dum facit iustitiam vicarius et regis aeterni, minister autem diabolic dum declinet ad iniuriam» (De legibus. Vol. II. P. 305)).

Методом утверждения господства тирана является насилие над подданными. Эту мысль ясно формулирует Иоанн Солсберийский, и ему вторит Брактон:

Est ergo tyrannus <...> qui
violenta dominatione populum
premit...

(Pol. VIII. 17. 777 d)

...tyrannus dum populum sibi
creditum violenta opprimit
domination.

(De legibus. Vol. II. P. 305)

Не ставя задачу в масштабах небольшой работы выявить все точки соприкосновения Иоанн и Генриха по вопросам, касающимся королевской власти и ее лимитов, хотелось бы отметить следующее. Развиваясь в русле усвоения принципов римского права в «теологическом формате», оба мыслителя попытались очертить границы *potestas regni*, выяснить, где лежат ее пределы. В итоге они пришли к, казалось бы, парадоксальному выводу: закон, питающий власть государя, дающий ему значительные прерогативы и огромные полномочия, одновременно накладывает фундаментальные — непреодолимые — ограничения. Полномочия издавать законы проистекают из *lex regia*, однако санкционируются через подданных, а точнее — лучших и мудрейших из них, составивших совет посредством *lex diuina*.

Власть правителя, как бы замыкаясь сама на себе, сосредоточиваясь не на персоне короля, а на совершенствовании единого «политического тела», ориентируясь на достижение внутренних целей (общего блага), тем самым избегает соблазна экстенсивного расширения своего «поля» до момента распада глубинных связей с подданными и утраты собственной сущности. Именно это давало ей шанс сохранить жизнеспособность в исторической перспективе.

Литература

1. *Гладков А.К.* «Убийство тирана не грех, но благодеяние». Представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века. М., 2008. Вып. 69 (3). С. 81–96.
2. *Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии: пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 752 с.
3. *Guterbock K.* Bracton and his relation to the roman law: a contribution to the history of the roman law in the middle ages. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1866. 182 p.
4. *Lewis E.* King above law? «Quod principi placuit» in Bracton // *Speculum*. 1964. Vol. 39. № 2. P. 240–269.
5. *Richardson H.G.* Bracton. The problem of his text. London, Selden Society Supp. Series. Vol. 2. 1965. 165 p.
6. *Schulz F.* Bracton on kingship // *English historical review*. 1945. Vol. 60. № 237. P. 136–176.
7. *Tierney B.* Bracton on government // *Speculum*. 1963. Vol. 38. № 2. P. 295–317.

Literatura

1. *Gladkov A.K.* «Ubijstvo tirana ne grex, no blagodeyanie». Predstavlenie o nepravednoj vlasti v «Polikratike» Ioanna Solsberijskogo // Srednie veka. M., 2008. Vy'p. 69 (3). S. 81–96.
2. *Kantorovich E'.* Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii: per. s angl. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2014. 752 s.
3. *Guterbock K.* Bracton and his relation to the roman law: a contribution to the history of the roman law in the middle ages. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1866. 182 p.
4. *Lewis E.* King above law? «Quod principi placuit» in Bracton // *Speculum*. 1964. Vol. 39. № 2. P. 240–269.
5. *Richardson H.G.* Bracton. The problem of his text. London, Selden Society Supp. Series. Vol. 2. 1965. 165 p.
6. *Schulz F.* Bracton on kingship // *English historical review*. 1945. Vol. 60. № 237. P. 136–176.
7. *Tierney B.* Bracton on government // *Speculum*. 1963. Vol. 38. № 2. P. 295–317.

A.K. Gladkov

**King, Law and Limits of Power
in England of the Twelfth and Thirteenth Centuries**

In the article, based on analysis of John of Salisbury's «Policraticus» and Henry Bracton's «De legibus et consuetudinibus Angliae» (“On the Laws and Customs of England”), the author studies the tradition of succession in development of ideas of king's power, lex and political limits in medieval England.

Keywords: John of Salisbury; Henry Bracton; political thought; Roman law.